

Г. Ф. КОРЗУХИНА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ В. В. ХВОЙКО НА УСАДЬБЕ ПЕТРОВСКОГО В КИЕВЕ

Древнейшая территория Киева в пределах Святослава и Владимирова города издавна привлекала к себе внимание любителей старины. Археологические раскопки, преследовавшие самые различные цели, начались здесь еще в XVII в. и продолжались в течение XIX в. и начала XX в. Не в меньшей мере данная территория интересовала и интересует советских археологов, неоднократно возвращавшихся к исследованию этого важнейшего для истории Киева участка. К сожалению, многое из того, что было здесь вскрыто, вследствие неудовлетворительной методики раскопок, отсутствия должной документации и ряда других причин либо наполовину обесценено, либо полностью погибло для науки. Поэтому обнаружение материалов, в какой-то мере помогающих раскрыть содержание проводившихся здесь работ, представляет несомненный интерес. Публикация таких материалов и составляет основную цель настоящей статьи.

* * *

Заметив однажды в обресе горы над Андреевским спуском фундаменты, сложенные из красного камня, хранитель Киевского музея древностей и искусств В. В. Хвойко, известный уже в то время своими открытиями в области палеолита, триполья, культуры полей погребений и славянских памятников Киевской губернии, решил заняться исследованием самого древнего Киева.

Территория, на которую он обратил внимание, занимала северо-восточную часть мыса Киевской горы и принадлежала доктору М. М. Петровскому. Это была большая усадьба площадью около 3 десятин, расположенная на территории древнего города Игоря и Святослава и частично города Владимира. Она находилась по соседству с усадьбами Десятинной церкви и домовладельца Слюсаревского и была в основном занята садом.

Получив разрешение на раскопки с условием не портить деревьев и кустов, В. В. Хвойко в 1907 г. начал свои исследования, продолжавшиеся 2 года и субсидированные Б. И. Ханенко. Условия, поставленные М. М. Петровским, крайне затрудняли работы. Используя свободные участки между деревьями и садовые дорожки, В. В. Хвойко заложил в 1907 г. около 40 раскопов. Несмотря на то, что до него территория усадьбы была уже изрыта бывшими владельцами усадьбы — А. С. Анненковым, искавшим здесь клады, А. Н. Муравьевым и др., — результаты, полученные В. В. Хвойко, превзошли все ожидания. Впервые в истории археологического изучения Киева культура Киевской Руси предстала перед исследователем во всем своем многообразии и богатстве. Каменные дворцы, расписанные фресками и украшенные резным камнем, деревянные постройки

и мастерские; богатейшие находки из металла, кости, стекла; оружие, бытовой инвентарь, украшения, предметы импорта и тончайшие изделия киевских мастеров — все это было необычно, неожиданно и поражало своим разнообразием и высоким уровнем культуры и мастерства.

Современная раскопкам пресса знакомила своих читателей с ходом работ на усадьбе Петровского¹. В многочисленных статьях рассказывалось о княжеских теремах, о языческих жертвенниках, о городских укреплениях, о подземных ходах, о многочисленных мастерских, о жертвах Батыева погрома, о найденных реликвиях и пр. Знакомиться с результатами раскопок приезжали в Киев крупнейшие ученые того времени — Н. П. Кондаков, Я. И. Смирнов, Д. В. Айналов и др. И. А. Линниченко сделал на XIV Археологическом съезде специальный доклад о раскопках В. В. Хвойко, в котором он назвал усадьбу Петровского «русским капитолием» и «киевским форумом»².

Однако тогда же на съезде было отмечено, что «и ведение раскопок, и положение найденных вещей совершенно не обеспечены», что важнейшая по своему историческому значению территория принадлежит частному лицу. Съезд вынес решение обратиться с ходатайством о приобретении усадьбы Петровского в казну. В 1911 и 1913 гг. в Государственную Думу было внесено два законодательных проекта об отпуске из казначейства средств на приобретение усадьбы. Значительность суммы на ее приобретение, а также ряд других соображений побудили правительственные организации в 1912 г. обратиться в Археологическую комиссию с просьбой высказаться относительно целесообразности приобретения усадьбы в казну.

К этому времени первые впечатления об открытиях на усадьбе Петровского уже несколько улеглись. За прошедшие 4 года кое-кто уже успел заняться изучением добытого материала. Некоторые стали относиться к раскопкам В. В. Хвойко более осторожно, даже скептически, считая результаты их преувеличенными. Так, Б. В. Фармаковский считал, «что все почти парадоксальные утверждения об «основании идола Перуна», «княжеских теремах» и т. п. ... были по большей части плодом смелой и невежественной фантазии газетных сотрудников»³, а в докладе проф. С. Т. Голубева капище со статуей Перуна превратилось в остатки погребов XVII в.⁴ Председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский «при более подробном изучении вопроса» пришел к убеждению, что отчет о раскопках В. В. Хвойко «не дает возможности прийти к положительным и бесспорным выводам о значении усадьбы Петровского», что проф. И. А. Линниченко на XIV Археологическом съезде «не удалось убедить специалистов дела в безусловно выдающемся значении произведенных на усадьбе Петровского исследований... Принимая же во внимание, что почва усадьбы Петровского давно уже раскапывается... Археологическая комиссия полагала бы, что приобретение усадьбы Петровского... подлежит отклонению»⁵. Возникшая кое у кого мысль о приобретении не только усадьбы Петровского, но и близлежащих усадеб Трубецкого и Слюсаревского послужила лишь к осложнению вопроса и его затяжке, а начавшаяся в 1914 г. война вообще прекратила дело о приобретении усадьбы Петровского в казну.

¹ Прибавл. к вып. 26 ИАК, 1908, стр. 28, 29; Прибавл. к вып. 31 ИАК, 1909, стр. 81—83; Прибавл. к вып. 32 ИАК, 1909, стр. 21.

² Тр. XIV АС, т. III, 1911, стр. 68, 69 (протоколы).

³ ЗОРСА, т. IX, 1913, стр. 324 (протоколы).

⁴ Архив ИИМК, ф. № 1 (АК), 1908, д. № 30, ч. 4, л. 72.

⁵ Там же, л. 71 об., 72.

Несмотря на некоторое охлаждение к раскопкам на усадьбе Петровского, материал, добытый В. В. Хвойко и переданный на хранение в основном в Киевский исторический музей, был оценен по достоинству и использован в ряде работ как в первые послереволюционные годы, так и в последующие¹. Но, обращаясь к раскопкам на усадьбе Петровского, исследователи, кроме первоклассного вещевого материала, не имели ничего, а вместо полевой документации вынуждены были довольствоваться лишь общими, краткими описаниями, опубликованными в небольшой, неиллюстрированной книге В. В. Хвойко². В этой книге раскопкам на усадьбе Петровского уделено лишь 12 страниц. В распоряжении исследователей было также несколько рисунков В. В. Хвойко, сделанных в своеобразной манере и опубликованных Л. Нидерле³. Использовать эти рисунки, соединить их с данными кратких описаний вскрытых В. В. Хвойко объектов почти не удавалось, поскольку отчетная документация по раскопкам в руки исследователей не попала.

Отсутствие документации затрудняло не только использование добытого В. В. Хвойко материала; оно не давало возможности раскрыть содержание раскопанных В. В. Хвойко комплексов — дворцовых зданий, многочисленных мастерских и других построек, не позволяло связать вещевой материал с постройками, затрудняло дальнейшее исследование территории, столь богатой памятниками исключительной ценности. Опубликованный Д. И. Багалеем план усадьбы Петровского с нанесенными на него раскопанными участками оставался немым⁴. К 48 раскопанным и пронумерованным участкам не доставало легенды, которая помогла бы разместить на плане все то, что было здесь раскрыто в 1907—1908 гг. (рис. 1).

Учитывая исключительную важность данной территории для истории древнего Киева и для истории культуры древней Руси в целом, в 1936 г. Институт археологии Академии наук УССР возобновил здесь археологические работы, которые продолжались с небольшими перерывами до 1949 г.⁵ В 1936 и 1937 гг. были повторно вскрыты некоторые уже ранее исследованные памятники («капище», «терем»). К сожалению, и на этот раз методика раскопок и фиксация раскрытых памятников не вполне отвечали нашим современным требованиям, и памятники, исследованные повторно, так и остались не понятыми до конца.

Несмотря на новые интереснейшие открытия на усадьбе Петровского, сделанные в послереволюционные годы, материалы раскопок В. В. Хвойко

¹ Например, Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев — Царьград — Херсонес. ИТУАК, вып. 57, 1920; А. С. Гущин. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. Сборник «Изобразительное искусство», Л., 1927 см. также А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936; М. П. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 276—278.

² В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

³ L. N i e d e r l e. Slovanské starožitnosti, т. I, вып. 2, Praha, 1913, табл. XLIII, 1, C, D, E; LIV, 2, 3, 7; рис. 133 и 134; е г о ж е. Rukovět' slovanských starožitností. Praha, 1953, табл. 38, A, C, D, E; 48, 2, 3, 7, рис. 46 и 47. Мне неизвестно, сам ли В. В. Хвойко был автором этих рисунков. За отсутствием данных я условно называю их «рисунками В. В. Хвойко». Негативы рисунков В. В. Хвойко были найдены перед войной в Киеве М. К. Каргером; два рисунка с них здесь воспроизводятся на рис. 5 и 7.

⁴ Д. И. Багалей. Русская история, т. I, М., 1914, стр. 504, рис. 175.

⁵ В 1936 и 1937 гг. работы проводились Институтом археологии Академии наук УССР. С 1938 г. работы велись совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР.

не утратили своего значения и до сего дня. Расшифровка их тем более необходима, что за 40 с лишним лет, прошедших после раскопок В. В. Хвойко, многое из того, что здесь им было найдено, не повторилось ни разу при исследовании самого Киева и других древнерусских городов. Поэтому и теперь еще остается неясным, исследовал ли В. В. Хвойко район, жизнь которого сложилась под влиянием каких-то специфических условий, плюс же все то особенное, неповторимое, что было им зафиксировано, должно

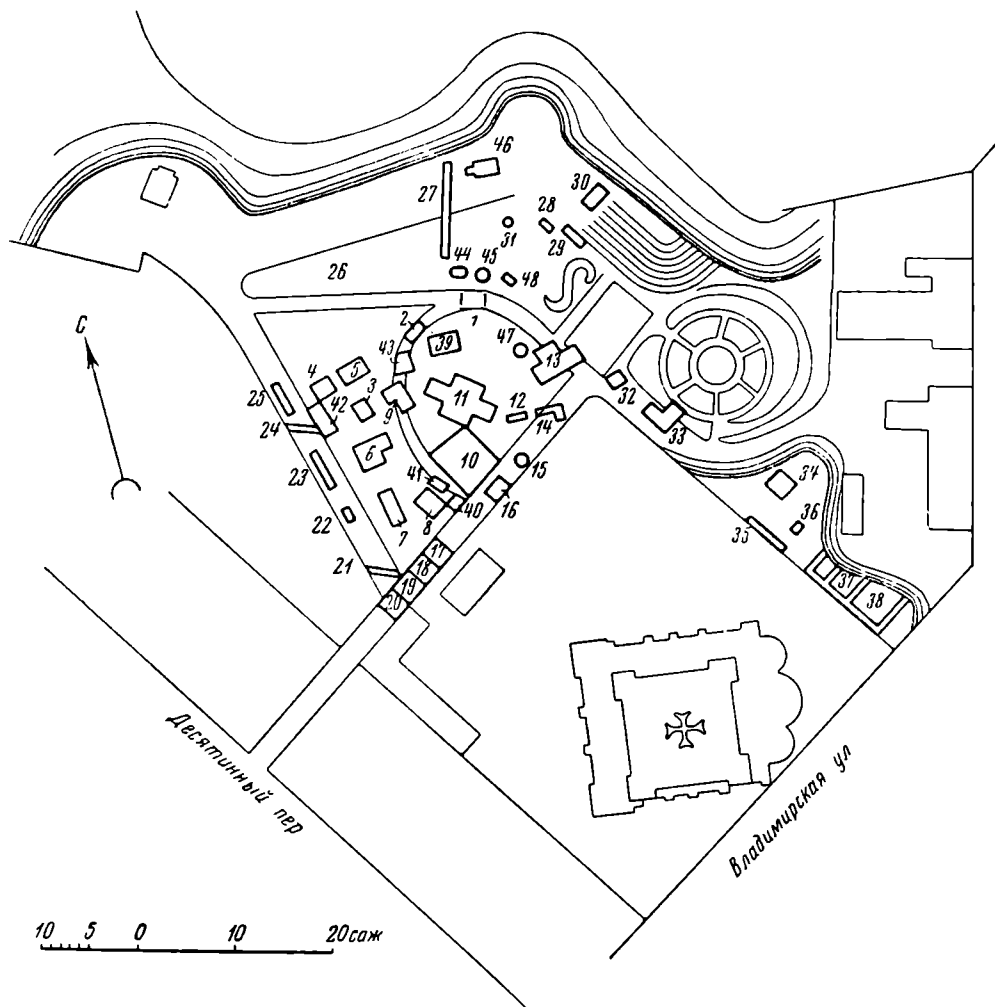

Рис 1. План усадьбы Петровского в Киеве с участками, раскопанными в 1907 и 1908 гг.

(1—48 — номера участков).

быть отнесено за счет несовершенства методики раскопок и фантастичности выводов. В связи с этим находка материалов, проливающих хоть какой-то свет на раскопки В. В. Хвойко на усадьбе Петровского, имеет, безусловно, существенное значение.

Материалы, о которых идет речь, обнаружены в 1954 г. в личном архиве А. А. Спицына¹. Это выписки, сделанные А. А. Спицыным из дневника раскопок В. В. Хвойко в 1907 г. на усадьбе Петровского. К сожалению, материалов о раскопках 1908 г. в деле нет. Материалы сгруппированы А. А. Спицыным по участкам; последние пронумерованы, и их номера соответствуют номерам, проставленным у раскопанных участков

¹ Архив ИИМК, ф. № 5 (архив А. А. Спицына), д. № 384, лл. 209—238.

на плане, опубликованном Д. И. Багалеем (рис. 1). В выписках имеются сведения о 39 участках; на плане же их 48. Очевидно, на участках 40—48 работы велись уже в 1908 г., но данные о них у А. А. Спицына отсутствуют.

Благодаря выпискам А. А. Спицына, памятники, вскрытые в 1907 г., теперь могут быть точно локализованы на плане усадьбы. Не на всех участках получены одинаково интересные результаты. Исследования, проведенные на некоторых участках, не дали ясного, законченного представления о раскопанных памятниках. Местами В. В. Хвойко попадал на перекопанные участки. Иногда для полного раскрытия памятника требовалось расширить площадь раскопа, сделать же это было невозможно.

В настоящей статье не ставится задача дать исчерпывающий анализ материалов из выписок А. А. Спицына. Здесь будут изложены лишь некоторые наблюдения и соображения по поводу новых данных о некоторых раскопанных В. В. Хвойко объектах, главным образом о постройках. Сведения обо всем остальном можно найти в самих материалах, публикуемых в приложении.¹

* * *

Интересное большое сооружение было исследовано на участке 10 (рис. 2, I). Прежде чем оно было обнаружено, в земле была расчищена толстая балка, покрытая сверху одним-двумя рядами досок. Ниже балки найдены остатки большой прямоугольной постройки, площадью примерно 120 кв. м (13,3 × 9,2 м). В нее вели 2 лестницы, выкопанные в земле. Ступени одной из них были покрыты толстыми досками. В северо-западной части постройки в особых материковых канавках оказались 3 балки на расстоянии 2,3 и 2,2 м друг от друга. Поверх балок лежали доски в один-два ряда.

К сожалению, данные о постройке неполны. Нет указаний на глубину отдельных частей здания, неясно отношение вышележащей балки к открытой ниже постройке, а потому нельзя решить, была ли эта балка связана с перекрытием помещения. Нет также сведений о характере стен постройки. Указано лишь, что на некотором расстоянии (видимо, от балок и досок, лежавших на полу) прослежены наружные стены. По аналогии с другими постройками на усадьбе Петровского можно предполагать, что стены были дощатыми. Нет также указаний, в материке или культурном слое было выкопано углубление для постройки. Что она в какой-то мере была углублена, ясно из того, что лестницы были выкопаны в земле. В помещении не было печи, поэтому вряд ли его можно считать жилым¹. По аналогии с постройками, которые будут рассмотрены ниже, данная постройка могла быть подвалом. Постройка была очень большой; она превышала по площади обычное полуземляночное жилище примерно в 10 раз. По аналогии с другими постройками на усадьбе Петровского найденные на полу бревна или «подвалины», как их называл В. В. Хвойко, служили основаниями перегородок, деливших это большое помещение на ряд клеток. Доски, лежавшие на бревнах, могли составлять стены перегородок.

Данные для датировки постройки очень шатки. Из вещей, найденных в ней, известна только одна, но зато очень интересная. Это наконечник ножен меча (рис. 3), чрезвычайно своеобразный по форме и орнаментации,

¹ В. В. Хвойко обращал большое внимание на печи, и отсутствие сведений о печи в данной постройке вряд ли можно считать его оплошностью. Описание раскопанных жилищ, судя по выпискам А. А. Спицына, он начинал всегда именно с печи, жилище же считал находящимся при печи.

что и затрудняет его датировку. В выписках из дневника он назван «скандинавским». Вряд ли это верно, так как среди многочисленных сканди-

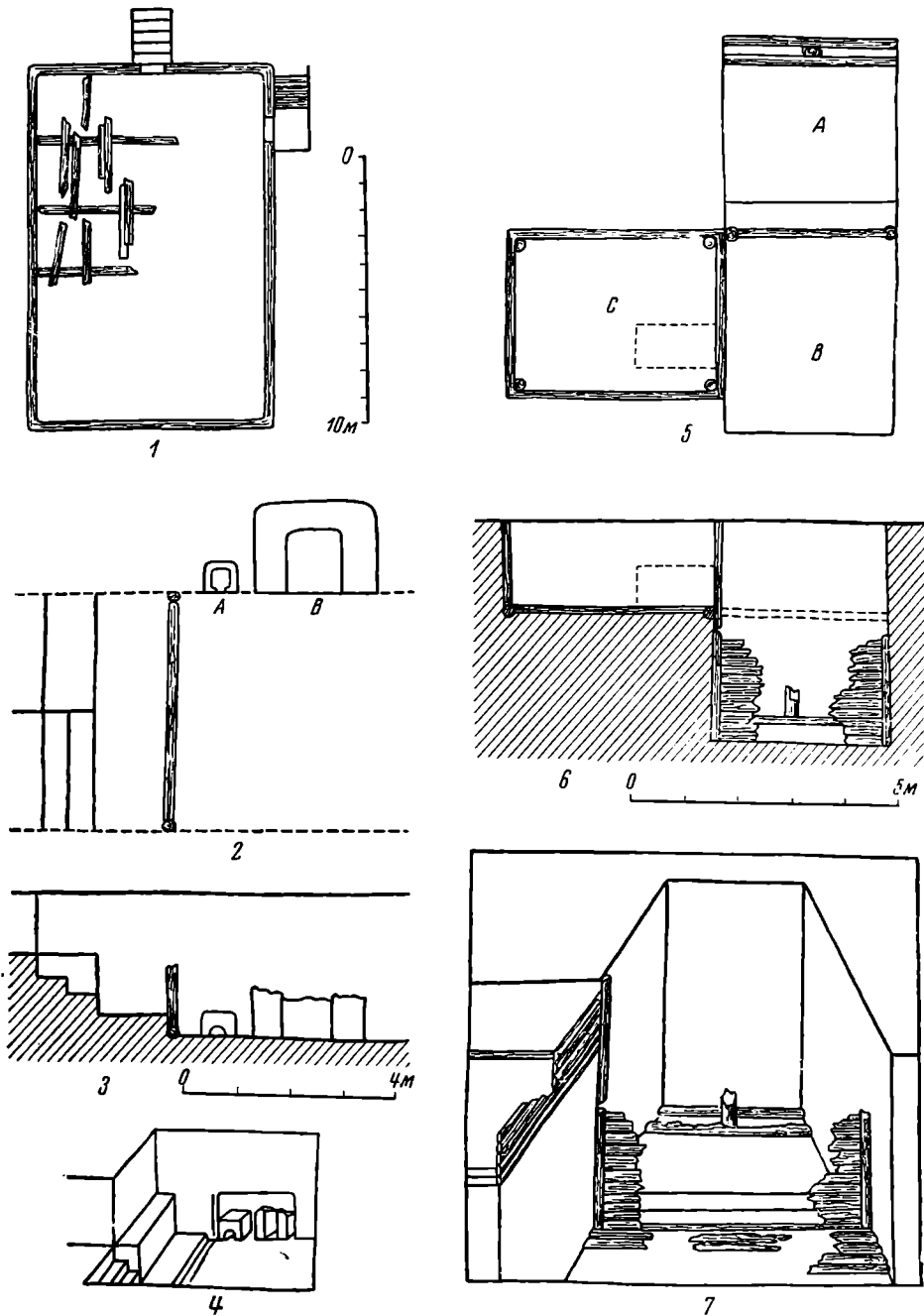

Рис. 2. Постройки, открытые В. В. Хвойко.

1 — постройка на участке 10 (реконструкция); 2, 3 — мастерская ювелира Максима на участке 19 (реконструкция); 4 — та же мастерская по Л. Нидерле с рисунка В. В. Хвойко; 5, 6 — постройка на участке 33 (реконструкция); 7 — та же постройка по Л. Нидерле с рисунка В. В. Хвойко.

навских наконечников ножен мечей подобные неизвестны. Сохранность его плохая — некоторые детали утрачены, верх обломан; первоначально он был, видимо, более глубоким. С уверенностью можно сказать, что

наконечник не относится к X в. Без особой уверенности его можно датировать XI в. Оружие XII в. очень плохо известно, поэтому для отнесения наконечника к XII в. нет данных. Причины, по которым постройка была заброшена, неясны. Следы пожара в выписках не отмечены.

Второе, чрезвычайно интересное сооружение раскопано на участке 11 (рис. 4). Оно состояло из 3 помещений. Центральное помещение А и одно из боковых — С были выкопаны в материке. Пол их находился на глубине 3,8 м от поверхности. Третье помещение — В

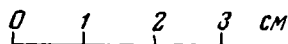
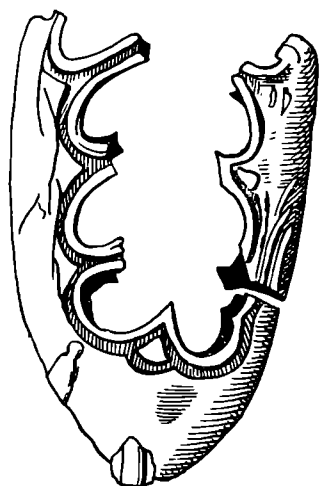

Рис. 3. Наконечник ножен меча из постройки на участке 10.

расположено на культурном слое, и пол его находился на глубине лишь 1,55 м. На этом же уровне над двумя углами центрального помещения А — «слой золы и угля, сильно перемешанных с мусором и деревом» (сторевшее перекрытие). На полу — слой истлевшего дерева, вдоль стен — канавки со следами толстых бревен — «подвалин». Над «подвалинами» — следы деревянных (дошчатых) стен. Одна из «подвалин», пересекающая помещение А, составляет основу наружной стены помещения С. Между помещениями А и С — 2 столба, повидимому, от двери. Стены помещения С представляют собой бревенчатый сруб; в срубе — большой горн (рис. 5), под и стенки которого сложены из кирпича на глине. Стенки сохранились лишь на высоту 0,55 м. Устье обращено к двери. Вокруг горна в 4 ямках — остатки толстых столбов, прямоугольных в сечении. В помещении В вдоль трех (?) наружных стен — «подвалины», следы стен в виде трухлявого дерева и большая прямоугольная печь длиной почти 3 м. Низ печи сложен из камня на глине

в виде постамента; стенки — из кирпича на глине. Свод не сохранился. По всем 4 углам печи — деревянные столбы, которыми укреплена дощатая обшивка, обходящая печь с 3 сторон, за исключением лицевой. Обшивка обмазана слоем глины.

Для реконструкции архитектуры облика постройки, к сожалению, не хватает довольно существенных данных. Прежде всего неясно, связаны ли все 3 помещения в одну постройку, или помещение В, основанное не на материке, а на культурном слое, и лежащее на 2,25 м выше помещений А и С, только случайно примыкает к ним. Если все 3 помещения органически связаны друг с другом, то постройка была не только трехкамерной, но и двухъярусной. Прямых данных для ответа на этот вопрос нет, но косвенные имеются.

На участке 33 раскопана постройка с аналогичным расположением 3 помещений на двух разных уровнях (рис. 2, 5—7). Разница в уровне пола верхнего и двух нижних помещений была примерно такой же, как в постройке на участке 11—2,45 м. Верхнее помещение с печью было оштукатурено и окрашено красной краской. Отдельные куски штукатурки проникли в нижележащее помещение, в котором печи не было. Видимо, оно было подвальным, а верхнее — жилым. Здесь найдены топор, ножи, замки, пряслица, стеклянные браслеты, фрагменты стеклянных и глиняных сосудов с поливой и росписью, фрагмент цепи и, наконец, части «железного панцыря», копьё и стрелы. Жилище принадлежало, видимо, знатному воину.

Повидимому, такие же двухъярусные, но хуже сохранившиеся постройки были раскопаны на участках 4 и 13. На участке 4, на культурном слое, на глубине 1,4 м стояла печь, около которой был глиняный пол, «а все ос-

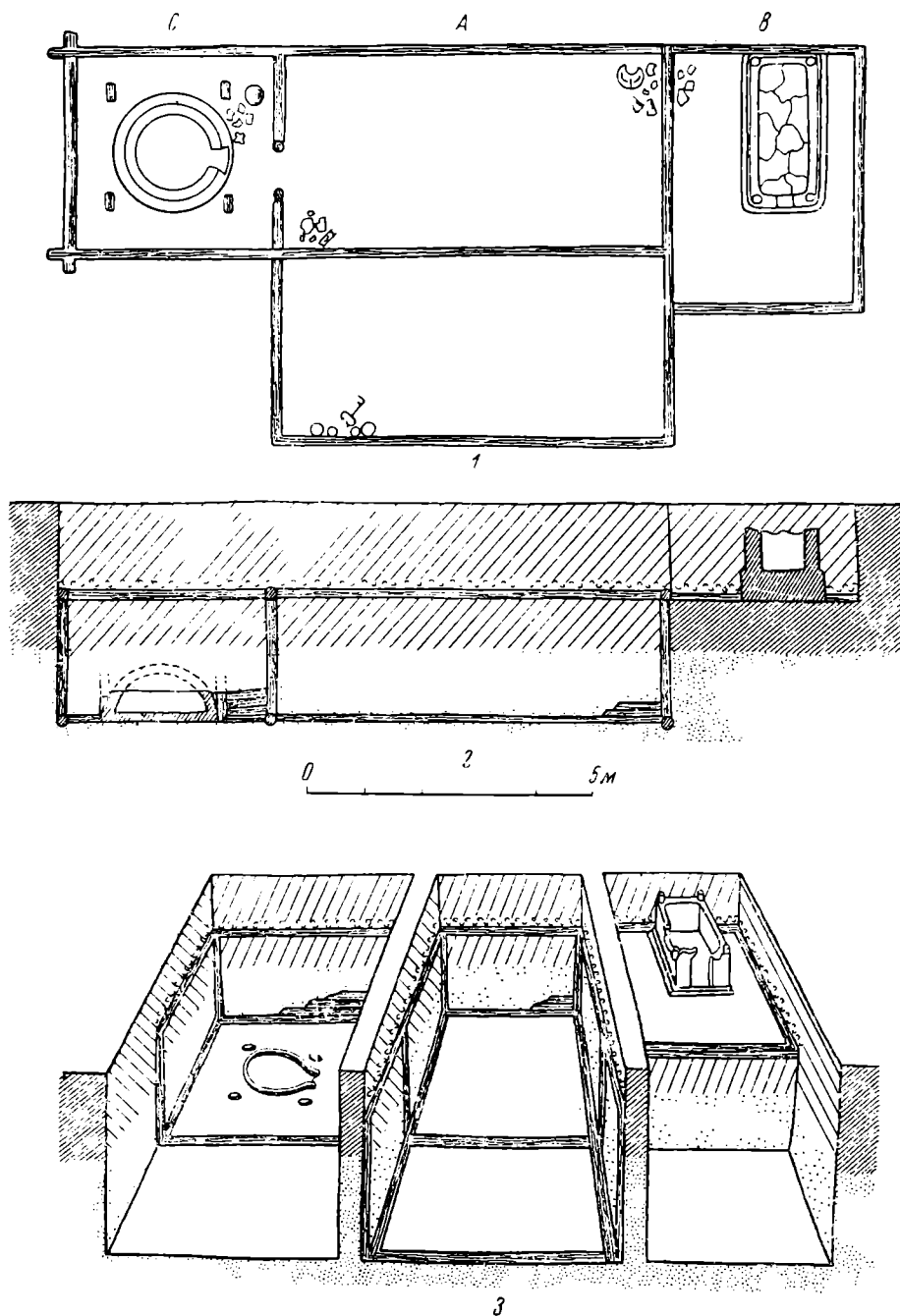

Рис. Мастерская на участке 11.
1, 2 — реконструкция; 3 — по рисунку В. В. Хвойко.

тальное пространство ямы (т. е. раскопа.— Г К.) занято деревянным полом — потолком нижнего помещения. В последнем — следы досок и балою». Верхнее помещение постройки на участке 13 находилось на глубине 1,5 м, нижнее — на глубине 3,7 м; следовательно, разница в уровнях верхнего и нижнего этажей равнялась 2,2 м. Верхнее помещение было

оштукатурено и окрашено в два цвета: фон — одного цвета, бордюр — другого. Отдельные куски штукатурки попали в нижнее помещение. Постройка, как и аналогичная ей на участке 33, была жилищем знатного лица. Здесь найдены интереснейшая импортная вещь — лиможская эмаль XIII в. (рис. 6, 4), а также бронзовая булавка со стилизованной черепашкой вместо головки, украшенная выемчатой эмалью (рис. 6, 5).

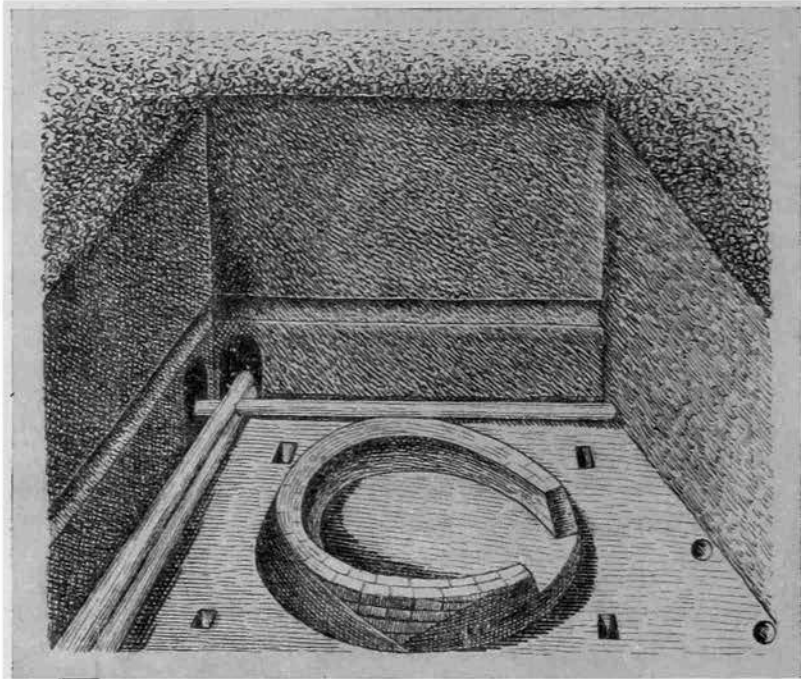

Рис. 5. Горн из мастерской на участке 11. (По рисунку В. В. Хвойко).

Едва ли можно объяснить случайностью, что и у постройки на участке 11, и у постройки на участке 33 три помещения, составляющие каждую из них, тесно примыкают друг к другу. Повторяемость этой черты делает довольно вероятным предположение о синхронности помещений, расположенных на разных уровнях.

Подтверждением того, что все 3 помещения на участке 11 были связаны между собой и входили в одну постройку, служат находки, сделанные в них. Во всех 3 помещениях найдены куски эмали и инструментарий, связанный с ее использованием. Существенно, что находки эти сделаны на разных уровнях: в помещении С — на полу, на глубине 3,8 м; в помещении А — как на том же уровне, так и на уровне пола верхнего помещения, т. е. на глубине 1,55 м; в помещении В — на полу, на глубине 1,55 м.

Особый интерес представляют находки в помещении А и на уровне пола помещения В. В выписках из дневника говорится, что на уровне пола помещения В был слой пожара, состоявший из золы, угля и остатков дерева. Он перекрывал помещение В и был прослежен в двух противоположных углах над помещением А. Повидимому, слой образовался от пожара, охватившего вышележащее помещение В и перекрытие над помещением А. В двух углах над помещением А перекрытие уцелело. Здесь и были найдены куски эмали и другие предметы, связанные с ее производственным использованием; они лежали на деревянном перекрытии центрального помещения. Чтобы куски эмали и другие вещи могли

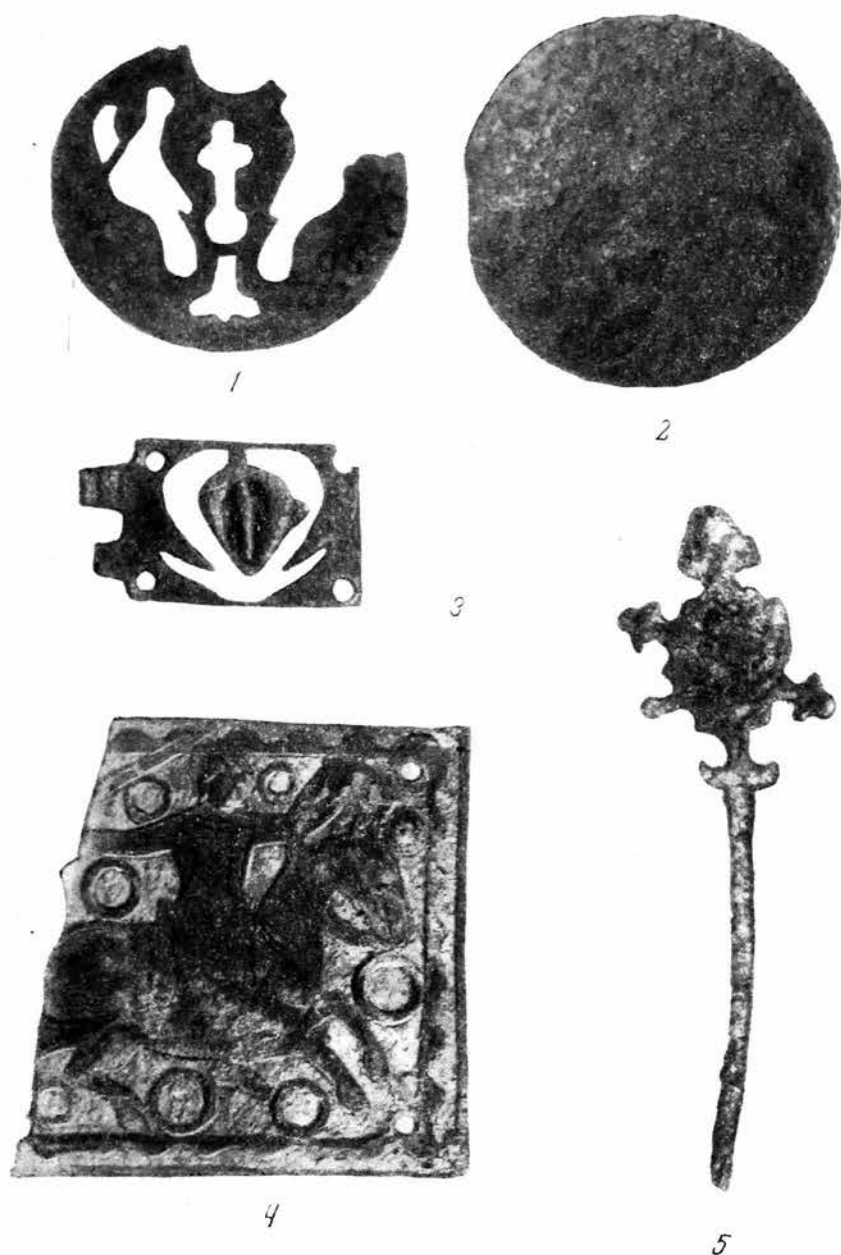

Рис. 6. Предметы из раскопов на участках 11 (1—3) и 13 (4—5).
 1— трафарет; 2 — болванка для изготовления колтов; 3 — бронзовая поделка
 с эмалью; 4 — бронзовая пластинка, лиможская эмаль XIII в.; 5 — бронзо-
 вая булавка с эмалью. (Вес 4/5 н. в.)

оказаться поверх перекрытия помещения *A*, перекрытие это должно было быть сверху открытым, т. е. быть полом вышележащего помещения.

Таким образом, получается, что центральное помещение полностью или частично было двухэтажным (второй этаж мог быть облегченного, чердачного типа), боковые же — одноэтажными, но расположенными на разных уровнях. Высота подвального этажа была вполне достаточной для взрослого человека (2,25 м). Указания на двухэтажность некоторых построек, раскопанных на усадьбе Петровского, на постройки с подвальным этажом, имеются в работе В. В. Хвойко. Показаны они и на двух рисунках В. В. Хвойко. Однако беглые указания, лишённые доказательств, и своеобразные зарисовки, которые не удавалось связать с текстом В. В. Хвойко, не вызывали доверия. Все это казалось неправдоподобным, поскольку ни в Киеве, ни в других городах Среднего Поднепровья двухэтажные сооружения не были обнаружены. Выписки из дневников В. В. Хвойко помогли расшифровать рисунки, а рисунки в свою очередь помогли понять то, что не было бы понято по одним выпискам.

Судя по рисунку В. В. Хвойко, помещения *A* и *C* только частично были углублены в материк. Примерно с половины высоты помещений начинался культурный слой. Считать, что культурный слой целиком образовался позже сооружения помещений *A* и *C* нельзя, так как помещение *B* полностью построено на культурном слое на уровне потолка помещений *A* и *C*. Однако остается неясным, было ли помещение *B* полностью наземным, или оно было частично углублено в землю; так же неясно, были ли помещения *A* и *C* полностью сооружены в земле или частично возвышались над землей¹

Описанную постройку В. В. Хвойко справедливо считал мастерской. Огромный горн в подвале и трехметровой длины печь в верхнем этаже были «сооружены с производственными целями. Во всех помещениях найдены большие куски расплавленной и в таком виде застывшей эмалевой массы»² — желтой, красной, зеленой, белой и коричневой. На перекрытии центрального помещения, близ помещения *B*, обнаружена бронзовая пластинка — трафарет для производства золотых колтов с перегородчатой эмалью (рис. 6, 1). Здесь же лежали два сопла. Болванка, на которой стенкам колтов придавалась сферическая форма (рис. 6, 2), найдена в подвале на полу, у горна. В подвале же обнаружена бронзовая пластинка с позолотой и эмалью в углублениях, вытисненных в форме цветка и заполненных бледнорозовой и светлозеленой полупрозрачной эмалью (рис. 6, 3). У горна найден крестик с эмалью. Следовательно, в мастерской работали эмалиеры, которые не только декорировали вещи эмалью, но обрабатывали и самую металлическую основу эмалевых изделий, о чем свидетельствует находка трафарета для колтов. Повидимому, обработка металла — разогрев его для литья и другие операции — велась в горне; печь же служила для обжига эмалевых изделий.

¹ Не исключена возможность, что раскопанная в 1949 г. на усадьбе Михайловского монастыря в Киеве двухкамерная постройка, которую автор раскопок М. К. Каргер считал полуземляничным жилищем XIII в., на самом деле является лишь подвальным помещением двухъярусной постройки. В помещении нет печи. (Завал брускового кирпича и докрасна обожженная стенка веподалеку от завала едва ли могут считаться остатками печи.) Скорее всего, печь находилась в верхнем помещении и при пожаре рухнула вниз. Кроме того, указанная М. К. Каргером глубина помещений (1,10—1,36 м) велика для полуземлянки. Правда, для подвального этажа она мала. Однако настоящая глубина их могла быть значительно больше, так как верхние части могли быть вырыты в культурном слое. Проходившие по площади раскопа водопроводные трубы могли уничтожить все вышележащие остатки постройки. См. М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 4 и сл.

² В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 71.

Мастерская была занята не только эмальерными работами. У одной из стен центрального помещения найдено несколько раздавленных стеклянных сосудов с раскраской и орнаментом из зеленых нитей. Кроме того, В. В. Хвойко писал, что в этой же мастерской «было найдено большое количество сломанных, поврежденных огнем и отчасти расплавленных стеклянных браслетов и таких же колец»¹. Следовательно, две близкие друг другу отрасли ремесла — эмальерное и стекольное — были объединены в одной мастерской.

Мастерская была, повидимому, в то же время и жильем. В помещении В у печи оказалось много рыбьих костей и два пряслица. Ножи, бруски и керамика могли быть связаны как с домашним хозяйством, так и с производством. Помещение освещалось глиняным светильником. Повидимому, помещение В было наиболее обжитым.

Мастерская погибла от пожара, которому, может быть, предшествовало ее разграбление, так как в центральном помещении в ямке стоял сосуд листовой меди с короткой шейкой, разрубленный надвое. Следует отметить также, что ни одного кусочка драгоценного металла в мастерской найдено не было.

Если предложенная реконструкция ряда построек, раскопанных на усадьбе Петровского, в принципе верна, т. е. если рассмотренные жилища и мастерская были действительно двухэтажными, то из этого совершенно не следует, что все полуземляночные жилища были подвальными этажами наземных построек. В настоящее время существует тенденция считать полуземляночные жилища лишь временными постройками, возникавшими в результате народных бедствий (пожар, война и пр.)². Сторонники данной точки зрения не допускают мысли о том, что обычным, массовым типом жилища на огромной территории древней Руси было жилище именно полуземляночное. Следует предостеречь их от попытки увидеть в реконструированных постройках на усадьбе Петровского тот массовый тип городского дома, который они ищут. В настоящее время известно чрезвычайно большое количество хорошо сохранившихся и детально изученных полуземляночных жилищ. Именно этот тип и был массовым типом построек рядового населения. Постройки же с подвальным этажом — явление редкое; судя по находкам, это были жилища знати и постройки производственного назначения.

Чрезвычайно интересная, но неполностью раскопанная постройка обнаружена на участке 19 (рис. 2,2—4). В раскоп попали только часть помещения со спускавшейся в него лестницей и торпы двух печей, частично исследованных, видимо, подбоям. Одна печь была очень маленькой, вторая, стоявшая рядом, — наоборот, очень большой. Стенки ее достигали толщины 0,55—0,58 м. На полу помещения лежал слой угля и обгорелого дерева, в том числе — части обгоревших стола и стула. Под слоем пожара найдены 3 замка, 4 ножа, гребень и большой набор каменных литейных формочек для сережек, колтов, бус, наручий, энколпионов и пр., куски медного шлака и большое количество кусков разноцветной эмали — легкой и тяжелой³. В. В. Хвойко называл данное помещение ювелирной мастерской. Найденные в ней формочки сразу же обратили на себя вни-

¹ Там же.

В. А. Богусевич. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. КСИМК, вып. ХLI, 1951, стр. 47, 48.

³ Кроме выписок из дневника В. В. Хвойко, см. В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 71. Указание на штампы «для тиснения металлических украшений» сомнительно.

мание исследователей и вскоре после их находки были опубликованы¹. Позже к ним не раз возвращались².

Мне также однажды пришлось обратиться к этому материалу³. Местоположение мастерской, в которой найдены формочки, было мне в то время неизвестно. Определение его представляло интерес, так как одна из формочек для серьги, найденная в мастерской, оказалась частью формочки, найденной в тайнике Десятинной церкви, под развалинами которой погиб ювелир вместе с целым набором литейных форм. Я попыталась определить местоположение мастерской по находке серии формочек в 1936 г. на границе усадеб Петровского и Слюсаревского, примерно в 50 м к северо-западу от Десятинной церкви. При этом выяснилось, что мастера звали Максимом⁴. Предположение оказалось правильным. Находка легенды к «археологическому» плану усадьбы Петровского позволила точно определить местоположение мастерской: она находилась, действительно, в этом районе, лишь несколькими метрами восточнее места находки формочек в 1936 г.

В том же районе, на несколько метров южнее мастерской, в 1948 г. была найдена еще одна каменная формочка. Здесь М. К. Каргер раскопал землянку, которую он считал не только жилищем, но и мастерской⁵ и высказал предположение, что она является мастерской литейщика Максима⁶. Вряд ли, однако, можно с этим согласиться. Мастерская Максима ныне локализуется совершенно точно, а землянка не могла быть мастерской ювелира-литейщика, поскольку в ней не было специального оборудования⁷.

Представление о том, какими горнами и печами оборудовались мастерские, связанные с обработкой металла, дают мастерские на участках 11 и 19. Кроме того, мастер Максим погиб под развалинами Десятинной церкви в 1240 г.; над землянкой же, обнаруженной в 1948 г., успел нарасти мощный культурный слой с вещами домонгольского времени толщиной 1,3—1,45 м, т. е. она погибла задолго до татарского разгрома. Связь формочки с жилищем из-за неясности и противоречивости сведений об условиях ее находки⁸ не может быть установлена.

Таким образом, раскопками В. В. Хвойко были обнаружены 2 мастерские, в которых выделялись вещи с эмалью. В одной из них мастер пользовался каменными литейными формочками для отливки украшений, внешне напоминавших богатые украшения кладов, отчего Б. А. Рыбаков и назвал формочки «имитационными». В другой мастерской делались не

¹ Д. И. Бага лей. Указ. соч., стр. 503, рис. 167 и 169.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 271—278.

³ Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950.

⁴ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 230.

⁵ М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського Історичного музею. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, 1952, стр. 6—10.

⁶ Сб. «По следам древних культур», 1953, стр. 70, 71; Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 113.

⁷ В статье «Новые данные к истории древнерусского жилища» (КСИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 7) М. К. Каргер, видимо, ошибочно указывает, что в данном жилище им была найдена печь из брускового кирпича. В первоначальной публикации он писал, что печь была глинобитной. (М. К. Каргер. Розкопки на садибі..., стр. 8).

⁸ В сборнике «По следам древних культур» (1953, стр. 70) М. К. Каргер пишет, что формочка найдена на полу землянки. Однако в первоначальной публикации материалов раскопок 1948 г. он не упоминает ее в числе находок на полу. Из контекста же следует, что формочка была найдена либо в заполнении землянки, либо в культурном слое над ней. Следует учесть также, что над землянкой найдены 4 захоронения XVII в., в результате чего культурный слой здесь был перемешан.

имитации, а подлинно драгоценные украшения с перегородчатой эмалью. Однако наряду с дорогими изделиями здесь же производились вещи, рассчитанные на широкий спрос, — крестики с эмалью. В той же мастерской выработывались и стеклянные изделия двух видов: дорогие стеклянные сосуды с цветными напаянными нитями и росписью, а также пользовавшиеся массовым спросом стеклянные браслеты.

Возможно, что мастерские функционировали не одновременно. Первая погибла в декабре 1240 г., вторая же могла прекратить свое существование еще на рубеже XII и XIII вв., во время одного из разгромов Киева — в 1171, 1175 или 1203 гг.

По соседству с мастерской эмалевых и стеклянных изделий на участке 11 была раскопана еще одна постройка на участке 39, в которой сохранились следы производства, возможно, также связанного со стеклом. В одном из помещений на широкой материковой ступеньке помещался небольшой открытый горн, типа кузнечного, для разогрева металла. В соседнем помещении на полу найдено «9 кусков стекловидной мозаики». Последнее определение несколько непонятно. Возможно, что здесь были найдены куски смальты, а горн предназначался для разогрева не металла, а стекла. В целом, однако, характер производственной деятельности данной мастерской неясен.

Остатки разрушенных или неполностью раскопанных мастерских обнаружены еще в ряде мест усадьбы Петровского. Так, на участке 34 найдены 2 «подвалины», т. е. 2 толстых бревна в канавках, лежавшие под прямым углом друг к другу, и остатки большой печи из валунов с очень толстыми стенками (0,4—0,5 м; ср. печь в мастерской на участке 19). Находки в этом помещении, о которых будет сказано ниже, не дают возможности установить какого рода производственной деятельностью здесь занимались. В. В. Хвойко предполагал, что это была баня.

Печь, повидимому, производственного назначения, была раскопана также на участке 15. Следов постройки вокруг нее не было выявлено. Печь сложена из квадратного кирпича, имеет форму усеченного конуса, устье ее выдается несколько вперед, а имеющееся посередине вверху отверстие закрыто большим квадратным кирпичом. Толщина стенок печи — 0,18 м.

Остатки построек с печами и без них найдены на многих участках. Большая часть их, повидимому, не имела производственного назначения. Это были просто жилые постройки. Особенности построек, открытых на усадьбе Петровского, являются обилие дерева (сосна), а также материал и форма печей. Большей частью печи были не чисто глинобитные, а из кирпича и камня, скрепленных глиной. Такие печи встречаются за пределами усадьбы довольно редко, здесь же они явно преобладают. Кроме того, большинство печей здесь имело не круглую, полусферическую, как обычно, а прямоугольную форму. В отдельных случаях печи были расписаны синей и красной краской (участок 25). В ряде случаев на месте разрушенных жилищ были построены новые (участки 22 и 23). В большинстве случаев жилища погибли от пожара. Не сгоревшие постройки сохранились хуже (участок 8). На участке 27 было открыто небольшое хозяйственное сооружение без печи, с бревенчатым каркасом.

Наиболее богаты и интересны по инвентарю, кроме описанных, постройки на участках 1, 2, 5, 7 и 9. В них, помимо обычных вещей — керамики, ножей, топоров, брусков, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, бус и пр., — найдены жернова (участки 1, 2, 5 и 9), круглое оконное стекло (участки 7 и 9), кожаная обувь (участки 1 и 9), стеклянные сосуды (участки 2 и 9), поливная керамика (участки 7 и 9), керамика

с росписью (участки 4 и 7). Во многих жилищах обнаружены фрагменты амфор (на участке 7—круглодонная); глиняные светильники в количестве от одного до трех на одно жилище; железные замки до трех на жилище; медный котелок, железный треножник, «бляшка с арабской надписью» (все—на участке 7); заготовки из рога оленя и лося и пр. В жилище на участке 7 был расчищен целый слой обгоревших зерен пшеницы и проса. В горелой пшенице были найдены, видимо, спрятанные в нее бусы и ключ. В жилище на участке 5 у печи оказался маленький «клад» в горшочке — 3 пряслица, серебряные бусы и нож с серебряной рукоятью.

Кроме перечисленных жилищ с применением деревянных и деревоглинобитных конструкций, в ряде мест усадьбы Петровского были обнаружены остатки каменных сооружений. Наиболее известным из них стало неоднократно описанное в литературе большое гражданское здание над Андреевским спуском (участок 37/38). От здания остались одни фундаменты, большая часть их обрушилась под откос. Не останавливаясь на описании этого здания, поскольку выписки из дневников не содержат никаких принципиально новых сведений о нем, напомним лишь, что В. В. Хвойко связывал гибель здания с пожаром Киева в 1017 г. Данных для проверки предположения В. В. Хвойко нет. Однако совершенно бесспорно, что к 1240 г. здание уже, безусловно, не существовало, так как братская могила жертв татарского погрома была выкопана поверх одного из отрезков его фундамента.

В еще худшем состоянии оказались каменные постройки, обнаруженные на других участках усадьбы. Это были небольшие отрезки фундаментов из камня (кварцит и серый песчаник; участки 14, 24 и 36) и иногда — фундаментов с несколькими рядами кирпича (участки 12 и 21). В ряде случаев указана форма кирпича — «квадратный тонкий», «продолговатый толстый с бороздками». На участке 14 сохранился угол здания, с которым, может быть, связана стенка на участке 12, но данных так мало, что сказать что-либо определенное об этих стенах и о стенах на участках 24 и 36 очень трудно. Возможно, что стена на участке 36 связана с дворцовым зданием на участке 37/38, поскольку она идет параллельно его поперечным стенам. Несколько подробнее придется остановиться только на постройке, следы которой выявлены, повидимому, на ряде раскопов, расположенных в юго-западной части усадьбы Петровского. В. В. Хвойко писал, что в этом районе были вскрыты им остатки богатого каменного здания: «Здесь были обнаружены фундаменты какой-то гражданской постройки, прикрытые сверху сплошными повалившимися один на другой слоями штукатурки, обрушившейся вместе со стенами здания. Лицевая сторона этой штукатурки оказалась украшенной богатой фресковой росписью»¹.

Попытка 1936—1937 гг. найти это здание, предпринятая Институтом археологии Академии наук УССР, не дала результатов. Поиски здания были затруднены отсутствием точных данных о месте находки его в 1907 г. «Местоположение этих руин, — писал М. К. Каргер, — как и местоположение многих других открытых в 1907—1908 гг. на усадьбе Петровского памятников, к сожалению, можно определить только приблизительно»². Повторные поиски здания, проведенные в 1948 г. М. К. Каргером, также не привели к обнаружению постройки. Последними исследованиями установлено, однако, одно существенное обстоятельство. Вся площадь раскопа, заложенного по соседству с раскопом В. В. Хвойко (№ 20), была покрыта мощным (0,4—0,5 м) слоем гумуса, насыщенного строительными остатками какого-то древнего здания. Ниж-

¹ В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 69.

² М. К. Каргер. Розкопки на садибі... стр. 5.

слоя со строительным мусором залегал слой с находками, обычными для древнерусских городов домонгольского времени. В этом слое было несколько поздних погребений (XVII в.), могильные ямы которых не перерезали слоя строительного мусора. Следовательно, слой этот образовался после того, как были совершены погребения. М. К. Каргер считает, что слой этот появился в результате довольно поздней планировки местности¹.

Выписки из дневников В. В. Хвойко дают кое-что новое относительно этого загадочного здания. Остатки его, как мне представляется, были обнаружены на 3 участках — 17, 20 и 21, т. е. в районе поисков здания Институтом археологии Академии наук УССР и М. К. Каргером. На участке 21 была раскрыта стена длиной 2,7 м, сложенная из тонкого квадратного и толстого брускового с бороздками кирпича. Стена шла с северо-запада на юго-восток. На участке 20, в 6—8 м от стены участка 21, рядом с тем местом, где М. К. Каргер искал в 1948 г. дворцовое здание, В. В. Хвойко обнаружил на глубине 3,1 м две упавшие стены, которые, по данным выписок, «в наклонном положении шли к церкви и к Слесаревскому», т. е. к Десятинной церкви и к усадьбе Слесаревского. Стены были покрыты фресками, лежавшими лицом друг к другу. Следовательно, стены упали одна на другую. По данным дневника, на фресках были «изображения нескольких человеческих фигур в натуральную величину» и орнамент. Очень может быть, что упавшие стены принадлежали тому зданию, остатки которого были обнаружены в 6—8 м от них на участке 21. Наблюдение М. К. Каргера над могильными ямами позднего кладбища, не перерезавшими слоя со строительным мусором, правильно и для участка 20. В. В. Хвойко на большой площади (участки 17—20) также наткнулся на позднее кладбище (в одном погребении была найдена половина монеты XVI в.). Судя по рисунку В. В. Хвойко (рис. 7), погребение на участке 20 также не перерезало упавших стен древнего здания. Отсюда следует, что отдельные участки постройки могли возвышаться над землей еще в XVI—XVII вв.

Под упавшими стенами на материке, на глубине 4,5 м, В. В. Хвойко обнаружил пол, «выложенный из древнего кирпича и покрытый цементом». Он считал, что этот пол был связан с мастерской поливных плиток. В своей книге В. В. Хвойко про пол не упоминает, о мастерской же говорит очень кратко и не указывает даже, что она обнаружена под упавшими стенами. Он перечисляет лишь находки, связанные с производством поливных плиток, — куски разноцветной эмали и тигли с ячейками для эмали разных цветов². Н. Д. Полонская сообщает некоторые дополнительные сведения о мастерской. Она пишет, что здесь было найдено большое количество «недоделанных, испорченных и только подготовленных к обливке, но еще не облитых эмалью плиток»³. В выписках из дневника указано, что на полу «был мусор (главным образом, щебень), разбитые поливные плитки (некоторое количество), куски эмали, два литничка для эмали и карниз из лабрадора».

Сопоставив все имеющиеся данные о каменном здании и о мастерской плиток, мы все же не получаем отчетливого представления о двух различных сооружениях, следы которых обнаружены на участках 20 и 21. Повп-

¹ Там же, стр. 10.

В. В. Хвойко Указ. соч., стр. 70.

³ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в мест. Белгородке. Труды Моск. предв. ком. по устройству XV AC, т. I, 1911, стр. 61.

димому, кирпичный пол, покрытый раствором, стносится все же не к мастерской, а к каменному зданию. Остатки мастерской поливных плиток могли попасть сюда, вернее всего, в результате позднейших земляных работ, связанных, в частности, с погребениями XVII в.

Существенно, что на кирпичном полу вместе с плитками был найден карниз из камня, который В. В. Хвойко называет лабрадором. Архитектурные детали из камня, в частности из того же лабрадора, в большом количестве и на гораздо меньшей глубине (0,7—1,8 м) найдены на соседнем участке 17. Здесь залегал мощный слой камня — «гранит, шифер, извест-

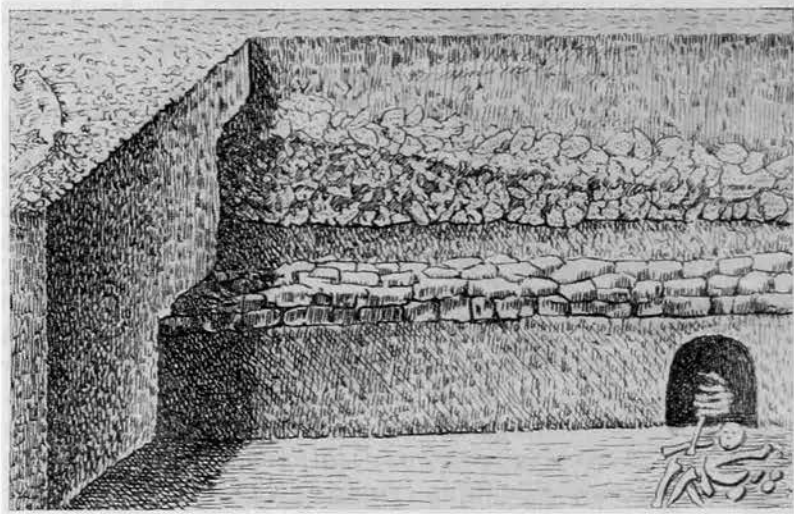

Рис. 7. Остатки каменного здания на участке 20.
(По рисунку В. В. Хвойко).

няк, мрамор, лабрадор». Большая часть камня была обработана. В. В. Хвойко считал, что здесь была мастерская по обработке архитектурных деталей из камня для Десятинной церкви¹. Согласиться с этим, однако, вряд ли можно, так как на некоторых камнях были следы раствора. Следовательно, камни побывали в кладке. Образование мощного слоя камня, скорее всего, связано с разрушением все того же каменного здания, следы которого были обнаружены на участках 20 и 21 и которое разыскивают советские археологи. Из этого развала здания карниз из лабрадора, в результате земляных работ, мог попасть на значительно большую глубину. Поэтому и остатки бывшего где-то поблизости производства керамических плиток (может быть, на соседнем участке 19) могли попасть на каменный пол разрушенного здания случайно.

В настоящее время участок с древним, сильно разрушенным зданием застроен новыми домами, что будет крайне затруднять дальнейшие поиски его.

Время сооружения каменной постройки, при отсутствии данных о толщине плиточного кирпича, определить трудно. Записи в дневниках о наличии в кладке толстого брускового кирпича с бороздками указывают на XIII в. К этому времени относятся, скорее всего, какие-то починки, доделки, перестройки, а не возведение здания целиком. О времени гибели здания сведений нет. Отдельные участки стен, как говорилось выше, по видимому, возвышались над землей еще в XVII в.

¹ В. В. Хвойко Указ. соч., стр. 69, 70.

Выписки из дневников содержат также данные о разгроме города и об истреблении его населения полчищами Батыя. Выше говорилось, что большая часть построек погибла от пожара. Многие из них сгорели именно в 1240 г. На многих участках в жилищах обнаружены скелеты погибших людей. На участке 5 в сгоревшем жилище на полу найден скелет девочки. При ней найдены височные кольца, бусы и пр. В том же жилище у печи был обнаружен маленький «клад» в горшочке, о котором говорилось выше. На участке 1, также в сгоревшем жилище, оказались 2 скелета, лежавшие один над другим. Возле одного из них, у головы, была стрела, у локтя — нож. На участке 22 в яме разрушенного жилища найден костяк, видимо, женский (с бусами), а на участке 34, в постройке с большой печью (мастерская?), был обнаружен скелет воина, погибшего с мечом в руках. Тут же лежали копье и 2 стрелы. На участке 32 в небольшой яме (1,7 × 1,2 × 1,15 м), покрытой сверху обгоревшими бревнами, лежали 3 черепа и остатки деревянного щита, обтянутого кожей и оббитого медными гвоздиками. На участках 26 и 31 В. В. Хвойко обнаружил, как он считал, погребения с сожжением. Это были обширные кострища, состоявшие из золы, угля, кусков обожженной глины, обгорелых человеческих костей, тканей, керамики, сплавившихся медных предметов. При костяках найдены бусы, височные кольца, каменный крестик, каменная иконка богоматери, три энколпиона. Не может быть сомнения в том, что эти «кострища» не были погребениями с сожжением. Ни место находки «кострища» (территория Святославова города), ни инвентарь не позволяют отнести их к языческому времени. Это, безусловно, жертвы татарского погрома, либо сгоревшие в пожаре, либо намеренно сожженные при уборке города после разгрома. О том, что такая уборка была, что трупы убитых были собраны и похоронены, свидетельствуют братские могилы, обнаруженные в разных частях города, в частности и на усадьбе Петровского, над фундаментами каменного здания у Андреевского спуска.

История древнейшей территории Киева очень сложна и не может считаться выясненной даже в общих чертах. Очевидно, все то, что вскрыто на усадьбе Петровского, не существовало одновременно. Одни постройки разрушались, другие сооружались на их месте. При отсутствии надлежащей документации о вскрытых памятниках, при неясности хронологии появления и гибели отдельных сооружений, очень трудно судить о последовательности возникновения известных нам на данной территории построек и об облике этого района в ту или иную эпоху. Неизвестно, с каких пор в этой части города, бывшей в X в. и начале XI в. центральным районом города с каменными дворцами, группировавшимися вокруг Десятинной церкви, появились крупные ремесленные мастерские. Существовали ли те и другие одновременно, или, с перемещением центра города к Софии, некоторые хоромы потеряли свое значение и были заброшены, а другие попросту разобраны. Об исчезновении еще в домонгольское время здания над Андреевским спуском говорилось выше. Жалкие остатки других каменных сооружений обнаружены еще в ряде мест усадьбы. Одно из них в районе участков 17, 20 и 21, возможно, дожило до монгольского нашествия, а, может быть, и пережило его. Некоторые другие могли быть разобраны еще в домонгольское время. Не этим ли объясняется и то, что только в данном районе древнего Киева при устройстве печей в жилищах и мастерских столь широко применялся древний плиточный кирпич?

С перемещением центра города к Софии облик древнейшей части Киева мог сильно измениться и приобрести характер торгово-ремесленного центра. Может быть, с этого времени здесь и разместились крупные ре-

месленные мастерские со специальным оборудованием. Здесь же находился и городской рынок — Бабин Торжок.

Восстановление истории древнейшей территории Киева — задача увлекательная, но нелегкая. Территория усадьбы Петровского археологически не исчерпана, в ее недрах еще могут быть обнаружены ценнейшие памятники прошлого. Но, кроме памятников, которые могут появиться в будущем, для нас важны документы, повествующие о памятниках, уже не существующих. Поэтому материалы о раскопках В. В. Хвойко представляют для исследователей определенный интерес.
